

Список використаних джерел

1. Бедзик Д.В. Завжди з народом: (К. Гордієнку – 80) / Д.В. Бедзик // Літературна Україна. – 1979. – 2 жовт.
2. Гельфандбейн Г.В. Молодість навечно: (до 80-річчя з дня народження К.О. Гордієнка) / Г.В. Гельфандбейн // Соціалістична Харківщина. – 1979. – 3 жовт.
3. Герасименко Ю.В. Лінія життя: (про творчість письменника К.О. Гордієнка) / Ю.В. Герасименко // Прапор. – 1973. – № 5. – С. 72-77.
4. Гордієнко К.О. Буймир: трилогія / К.О. Гордієнко. – М.: Советский писатель, 1981. – 725 с.
5. Гордієнко К.О. Дівчина під яблунею: [роман] / К.О. Гордієнко. – К.: Дніпро, 1954. – 318 с.
6. Гордієнко К.О. Рясне слово: [роздуми і спогади] / К.О. Гордієнко. – К.: Радянський письменник, 1978. – 135 с.
7. Гордієнко К.О. Чужу ниву жала: [роман] / К.О. Гордієнко. – К.: Держ. літ. вид-во, 1940. – 235 с.
8. Гордієнко К.О. Заробітчани: [повість] / К.О. Гордієнко. – Х.: Прапор, 1982. – 183 с.
9. Ковтуненко А.А. Гордієнко Константин Алексеевич / А.А. Ковтуненко // М.: Образование, 1972. – С. 78-82.
10. Маслов І.С. Гордієнко Кость / І.С. Маслов // Літературна Харківщина: [довід.]. – Х.: Майдан, 1995. – С. 114-120.

Summary. T.M.Sharova K.Gordienko: fighter for a true and will. In the article is marked on that the theme of village is the central theme of writer; attention is accented on that K.Gordienko is a fighter for a true and will, justice and independence. Creation of artist is imbued by a faith in force of human mind, by the humanisms ideas of good and freedom.

Keywords: character, freedom, conflict, good.

УДК 37.016:26-23

П.Л. Шульк

ТАРГУМ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

Автор статті звертається до різних перекладів Старого Завіту, дослідження яких дозволяє побачити в них своєрідну інтерпретацію біблійних текстів, обумовлену як специфікою самих текстів, так і певною метою, яку ставив перед собою перекладач.

Ключові слова: переклад, ТаНаХ, таргум, інтерпретація.

На страницах одной из библейских книг пророк Даниил на знаменитом Валтасаровом пиру демонстрирует перед собравшимися мастерство перевода: суть небольшого текста в одну строчку он передает с помощью пространныго толкования, без которого простой перевод написанных на стене слов превратился бы в бессмыслицу [См. Даниил 5:5 – 28]. С этого ли момента или раньше, но хороший перевод всегда считался своеобразным толкованием оригинального текста. Что касается переводов, или таргумов¹, Библии (в данном случае речь идет о ТаНаХе), они всегда были и остаются отчасти комментарием, а точнее определенной интерпретацией, благо сам текст Священного Писания способствует этому.

Первые переводы появляются еще в период канонизации ТаНаХа (с III в. до н. э.) и не всегда с целью открыть для других народов Священное Писание. Переводы понадобились самим евреям, для большей части которых иврит в то время перестает быть разговорным языком, его постепенно заменяет арамейский и греческий. Ощущалась потребность не просто в переводах, а в новых толкованиях библейского текста – главной духовной основы еврейского народа, поскольку изменился и его политический статус, и общественно-культурная жизнь.

И хотя самый древний из известных таргумов – греческий перевод – Септуагинта в основном тяготеет к буквальному переводу, оригинальный текст не оставлял переводчикам выбора, провоцируя их², требуя определенных комментариев, толкований.

Обратимся к известной истории о Каине и Авеле. В ивритском тексте, используемом в настоящее время (его называют масоретским³), читаем: “...И сказал Каин Эвелю, брату своему... И когда они были в поле, восстал Каин на Эвеля, брата своего, и убил его” [Берейшит⁴, 4:8 – 9]. Для еврейского комментатора понятно, что в тексте существует недостаток информации: “И сказал Каин Эвелю, брату своему...”. Что сказал – неизвестно. Если бы было известно, возможно, не надо было бы ставить вопрос – почему убил? Но для этого комментатора очень важно

поставить этот вопрос – вопрос о природе преступления, природе насилия, раз и навсегда закрывая путь догматическому подходу и создавая почву для плюрализма. Так возникает мидраш – один из методов изучения ТаНаХа, который в тоже время является и жанром древнееврейской литературы. Текст мидраша:

“...И сказал Каин Эвею, брату своему... И когда они были в поле, восстал Каин на Эвею, брата своего, и убил его.

О чем они поспорили? Они сказали: “Давай поделим весь мир”. Один взял себе землю, другой – то, что движется. Первый говорит: “Земля, на которой ты стоишь, – моя!” А другой говорит: “А то, что на тебе надето, – мое!”. Тот говорит: “Раздевайся!”, а этот говорит: “Лети!” И тогда “восстал Каин на Эвею, брата своего”.

*Раби Йегошуа от имени раби Леви сказал: “Оба они взяли себе и движимое и недвижимое, а поссорились из-за того, что каждый из них говорил: “Храм будет построен на моей земле!” Ибо сказано **Цион будет вспахан, как поле (Миха 3:12)**. Из-за этого спора и восстал Каин на Эвею, брата своего.*

*Раби Йегуда сказал: “Они поссорились из-за первой женщины, созданной еще до Хавы”. Сказал раби Айву: “Но она была обращена в прах еще до Хавы – из-за чего же они поссорились?” Сказал раби Хуна: “Из слов Торы видно, что и у Каина и у Эвеи были сестры-близнецы, причем у Каина – одна, а у Эвеи – две. Из-за этой второй сестры они и поссорились. Один говорит: “Она будет моей, потому что я старший”, а другой говорит: “Она будет моей, потому что родилась вместе со мной”. Из-за этого спора и **Восстал Каин на Эвею, брата своего**” [3, 314]. В мидраше перед нами три толкования. Первой среди причин преступления он называет спор за собственность, которая во все времена была главной причиной войн и кровопролития; второй – духовный аспект, касающийся идеологии, веры, во имя которой также обнажались клинки; третьей – женщину. Как видим, классический мидраш использует то, что текст Писания предоставляет возможность для различных толкований и пониманий. И сам вопрос, поставленный в мидраше (“О чем они поспорили?”), предполагает наличие разнообразных ответов. Ответы эти помогают соединить текст архаический с текстом актуальным, так как поставленная проблема касается не только этого первого и единственного случая, когда брат убивает брата. Проблема значительно шире: каков истинный мотив, какова самая глубокая причина, приводящая людей к спору и братоубийственной войне?*

Итак, в каноническом тексте оборванная фраза порождает различные толкования. А в Септуагинте стих имеет законченность. В Таргуме известно, **что** сказал Каин: “*пойдем-ка в поле*”. Логично, ведь братья затем оказались в поле, где все и произошло.

В связи с историей о Каине и Авеле обратимся еще к одному таргуму, который принято называть Таргум Ионатана, сомнительное авторство которого поддерживает только название⁵. Для этого Таргума характерны многочисленные добавления к оригинальному тексту, которые от двух-трех слов могут расширяться до пространных и существенных вставок, под грузом которых теряется порой библейский стих. Что касается истории о Каине и Авеле, автор вводит в нее спор, который разгорелся между братьями и в центре которого оказались теологические проблемы. Вот отрывок этого спора: **Каин**: “*Я готов согласиться, что в сотворении мира проявилось милосердие Божье, но я также вижу, что здесь, на земле, добрые дела человека ничего не решают, ибо суд вершится предвзято. Нет справедливого суда и нет праведного Судьи. Почему мое жертвоприношение оказалось неудобно Богу, а твое было принято благосклонно?*” **Авель**: “*Есть справедливый суд и есть Судья праведный, нет никакой предвзятости*” [цит. по: 4, 140]. И хотя необходимость в этом пространном диалоге вызывает сомнение, действия автора перевода, пытающегося дать библейскому тексту “новое истолкование, соответствующее современным реалиям” [4, 133], оправданы целью – вызвать у реципиентов живой отклик. Этот перевод принадлежит к самой интересной и многочисленной группе арамейских таргумов, которую открывает, как традиционно считается, Таргум Онкелоса.

Автор Таргума⁶, по мнению Авидора Шинана, в основном стремится к точному переводу. В то же время Дов Конторер отмечает, что переводчик зачастую вносит некий интерпретационный момент в свой перевод. Как бы то ни было отклонения от текста, встречающиеся в переводе – это отражение его принципиально религиозных взглядов. Когда речь идет о Творце, он отказывается от буквального перевода, чтобы не говорить о нем словами, характеризующими и описывающими только человека. Когда говорится, например: “И вспомнил Всевышний”, Онкелос переводит: “И поднялась перед Ним память...”. Вместо слов “...под ногами Его” [Исх., 24:10] пишет: “...у подножия Трона Его”, а фраза “И обонял Господь приятное благоухание” [Быт., 8:21] звучит у него: “Господь благосклонно принял жертвоприношение...”. Когда в тексте говорится об эмоциях Всевышнего, Онкелос также избегает слов, отождествляющих Творца с “человеческими атрибутами”. Некоторая тенденциозность проявляется и в описаниях праотцев еврейского народа, чью репутацию переводчик ревностно оберегает. И если в оригинале говорится, что Иаков

присвоил себе первородство “хитростью”, то в Таргуме Онкелоса вместо “хитрости” появляется “мудрость”. Но если тенденциозность в описаниях патриархов и Всевышнего понятна, то не всегда ясно использование отдельных вставок из устной традиции, дополняющих текст оригинала. В то же время вольность перевода (перифраз, добавления, толкования) оправдана задачей, которая стояла перед переводчиком – облегчить восприятие священного текста, в первую очередь тем, кто не владел ивритом, и потому не мог понять слов Торы. К этому можно добавить “стремление затушевать имеющиеся в Библии противоречия, попытки обойти теологические проблемы, подчеркивание особой важности тех или иных заповедей” [4, 141].

Но если Таргумы, созданные для евреев (в первую очередь арамейские), были призваны обучить их основам иудаизма, то Септуагинта, Пшита – христианский перевод ТаНаХа на сирийско-арамейский, и перевод на латинский – Вульгата, IV-го века новой эры, сделанный Иеронимом Блаженным, и большинство древних переводов с Септуагинты, преподносят христианскую интерпретацию Еврейской Библии, в которой переведенный ивритский текст служит для утверждения догматов христианства. Ни в коей мере не желая погружаться в теологические проблемы, попробуем показать, как неточный (или интерпретационный?) перевод может привести к неправильному, с точки зрения одних, и удивительному, по мнению других, истолкованию слов.

Речь идет о предсказании пророка Исаяи. Использованное в Евангелие от Матфея, оно послужило доказательством одного из основных догматов христианства – о непорочном зачатии: “*Да сбудется реченное Господом через пророка (Исайя 7:14): Итак, Сам Господь даст вам знамение: Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут ему имя Иммануэль*”. Но ссылка на пророчество Исаяи оказывается несостоятельной, если обратиться к ивритскому тексту. Дело в том, что ивритские слова *алма* – *אִלְמָא* – *девушка*, которое употребляет Исаяя, однокоренное со словом *элэм* – *אֵלֶם* – *юноша* – *отрок* [См.: Шмуэль I⁷, 17:56] и *алумим* – *אֲלֻמִּים* – *юность* [См.: Исаяи, 54:4; Псалмы 89:46] – означает совсем не девственницу, а любую девушку или молодую женщину. Доказательством этому служит контекст, в котором употребляется это слово в книге Мишлей – Притчах Соломона [Мишлей, 30:19]: “*Три вещи сокрыты от меня, и четырех я не знаю: путь орла в небе, путь змеи на скале, путь корабля среди моря, путь мужчины в юной женщине (алма). Таков и путь блудницы: обтерла рот и говорит: Не сделала я ничего худого*”. Четыре пути, о которых говорится, потому и сходны с путем блудницы, что они не оставляют видимых следов. Но ведь “путь мужчины в юной женщине” не оставляет следов именно в том случае, если она уже утратила девственность. Таким образом, из самого смысла отрывка однозначно следует, что слово *алма* не означает девственницу. Интересно, что в недавнем издании Новой английской Библии цитируемый стих из Исаяи в разных местах переводится по-разному: в переводе самой книги Исаяи слово *алма* переведено как *young woman (молодая женщина)*, а в переводе Евангелия от Матфея – как *Virgin (Дева)*. Перед нами пример противоречивой установки переводчиков: с одной стороны – требования языковой точности и научной добросовестности, с другой стороны – верность христианскому догмату⁸.

Но вернемся к объекту нашего исследования – таргумам, переводам ТаНаХа. Отмечая, что переводчики или, как их называют на иврите, метургеманы не ограничивались механическим переводом с одного языка на другой, позволяя себе перефразировать исходный текст, вносить добавления, призванные разъяснить темные места и т.д., необходимо указать источник, который стал основой их интерпретаций. Этим источником стала агадическая⁹ традиция. Приведем пример из Таргума Онкелоса.

Заповедь из книги Левит (Вайикра): “*Перед сединой вставай и уважай лицо старца*” [Левит, 19:32] переводится, будто речь идет о высказывании почтения знатоку Торы, а не просто человеку, достигшему преклонных лет. Переводчик использует известное высказывание мудрецов о том, что “*старец – это тот, кто приобрел мудрость*”.

В Септуагинте также встречается использование агадической традиции. Здесь отдельные псалмы, которые в Священном Писании анонимны (псалом 93) приписываются царю Давиду, а 144 псалом имеет подзаголовок, который отсутствует в ивритском тексте – “Против Голиафа”. Безусловно, здесь находит отражение агадическая традиция, согласно которой автором всей книги псалмов является царь Давид. А то, что в некоторых псалмах появляются заголовки, тоже дань этой традиции, которая была в древности очень популярной.

Одна из особенностей агадической литературы – наречение безымянных библейских героев – тоже встречается в Септуагинте. В еврейском оригинале Священного Писания не указывается имя жены царя Иеровоама. Септуагинта же утверждает, что ее звали Ану¹⁰.

Все выше сказанное о таргумах позволяет отнести их к определенному литературному жанру. Отклонения от оригинала, встречающиеся в них, были обусловлены как самим текстом Священного Писания, который, как всякое литературное явление, требовал интерпретации, так и определенными целями, которые диктовала переводчикам политическая обстановка,

общественно-культурная жизнь и собственная религиозная позиция. В свою очередь таргумы стали средством обучения основам религиозного учения, важными свидетельствами общественно-культурного контекста эпохи и отражением разнообразных агадических традиций, составивших основу многих литературных текстов.

Примечания

- 1 Таргум с иврита означает перевод (תרגום – перевод, переведенный текст [1, 458]). В статье этим словом обозначены разнообразные переводы с иврита ТаНаХа или, как принято называть его в христианской традиции, Ветхого Завета.
- 2 Впрочем, как справедливо отмечает Авигдор Шинан, “разночтения с текстом Священного Писания, которым мы располагаем сегодня, далеко не всегда вызваны “истолковательскими наклонностями” переводчиков – в ряде случаев они объясняются тем, что перед переводчиками был древний, не во всех деталях совпадающий с известным нам, вариант текста Торы” [4, 134]. Это же утверждает и Дов Контонер: “Не вызывает сомнения, что этот текст был переводом с другого, не масоретского текста, который у нас перед глазами. Перевод этот во многом повторял масоретский текст, но то, что это был другой текст – это совершенно очевидно” [2].
- 3 תרגומא פסוקי масоретский текст от слова תרגומא (месорати) – традиционный. Дов Контонер, подчеркивая (и его точку зрения поддерживает большинство израильских ученых) исключительное значение масоретского текста, пишет: “Ни один другой текст не может быть с ним даже сопоставлен по значимости. Он является самым полным, самым авторитетным, самым достоверным свидетельством текста. Это значит, что в подавляющем большинстве случаев при разночтении между ним и каким-то другим источником, масоретский текст является источником наиболее предпочтительным” [2].
- 4 Название книги дается в еврейской традиции (Берейшит – это Книга Бытия).
- 5 Другое название этого перевода / Таргум Иерушалми (Иерусалимский перевод). Кто-то использовал по отношению к нему аббревиатуру ТИ (Таргум Иерушалми). Это расшифровали как Таргум Ионатан (Ионатану бен Узиэлю принадлежал известный арамейский перевод Пророков) – и произошла путаница.
- 6 Вопрос об авторстве данного Таргума остается спорным.
- 7 Название книги дается в еврейской традиции (Шмуэль I – это Книга Царств I)
- 8 В христианстве наличие множества переводов в современном мире порождает проблему выбора. Например, современный русский перевод синодального текста был переводом с иврита, с масоретского текста, и был сделан в прошлом веке. В то же время, русская церковь веками пользуется неким славянским текстом, который сделан с Септуагинты и сильно расходится с современным текстом. В синодальном православном издании приводятся какие-то разночтения, особенно это касается цифр, – в скобках указывается, что в Септуагинте сказано так-то, а не так-то. Очень фундаменталистские, очень русофильские круги в православной церкви задаются вопросом, почему вообще правомерен такой подход, и почему вдруг перевели еврейский текст, и почему надо считать, что этот масоретский текст лучше, чем какой бы то ни было другой. И они считают, что надо было сохранять текст русской православной церкви, который является переводом Септуагинты. Как они говорят, нет оснований считать, что евреи сохранили свой текст лучше. Они говорят, что их святые отцы сохраняли текст лучше, и греческие святые отцы до них сохраняли текст лучше, тем более, что в наше время известно, что это не единственный источник текста; и поэтому стоит перевести древние русские книги со старославянского на русский язык.
- 9 Агада – это особый вид религиозно-литературного творчества. Невозможно четко определить смысл этого понятия. Ограничимся лишь указанием, что Агада “включает в себя комментарии к Писанию, рассказы из жизни мудрецов и их учеников, нравоучительные истории, притчи, религиозную поэзию, молитвы, фантастические истории, анекдоты, врачебные советы, сведения из области географии, астрологии, биологии, заклинания, ворожбу, фольклор, ободряющие послания во времена гонений, тексты, полные мессианской надежды, исторические трактаты, размышления на теологические темы и т.д. и т.п.” [4, 12].
- 10 Мудрецы Талмуда говорят, что мать Авраама звали Амталай бат Карнево, а жену Лота – Идит. Как видно, такая тенденция имела место еще во времена Септуагинты, за сотни лет до эпохи мудрецов Талмуда.

Список использованных источников

1. Еврейско (иврит)-русский словарь / сост. М. Дрор при участии И. Гури, И. Керена ; под ред. Ш. Эвен-Шошана, И. Керена. – Тель-Авив : Ам Овед, 2005. – 460 с.
2. Контонер Дов. Библейская критика [Электронный ресурс] / Дов Контонер. – Режим доступа: http://www.machanaim.org/tanach/_bikoret/kont1.htm
3. Литература агады: Библиотека еврейской классики / составление и редактирование И. Бегун, Х. Корзакова. – М. : ДААТ/ Знание. – 1999. – 384 с.
4. Шинан Авигдор. Мир агадической литературы / Авигдор Шинан. – М. : Мосты культуры – И. : Гешарим, 2003. – 208 с.

Summary. The analysis of various translations of the Old Testament by the author of the article makes it possible to see the particular interpretation of biblical texts as guided both by the texts themselves as well as by the specific goal of the translator.

Key words: translation, TaNaH, targum, interpretation.